

ВДАЛИ, ПОД ГЕРАТОМ

И залпы башенных орудий
Проводят нас в последний путь...

*Из солдатского песенного
фольклора*

Очередная волна ударила лодку в правую скулу, приподняла и потащила за собой. Весла выгнулись, казалось, еще секунда — и они разлетятся на щепки. Мотор отказал на подходе к акватории промпорта металлургического комбината — место широкое, есть где разгуляться ветру и набрать скорость волне.

Виталий Павлович сразу понял, что на воде движок не отремонтировать, надо как-то пробиваться к берегу. За себя он не боялся, но с тревогой поглядывал на побледневшее лицо жены. И дернула же их нелегкая накануне праздника плыть в Кривец, посиживал бы сейчас с мужиками — любо-дорого.

Восьмого мая с утра жена начала уговаривать: поплы-
вем да поплывем. Уж больно не хочется... В праздник
у мужика одна забота: в гости сходить, самому гостей
встретить, выпить да закусить... Позднее, вспоминая этот
день, спрашивал себя: уж не предчувствие ли страшной
беды гнало Алевтину из дома, не давало покоя в родных
стенах? А тогда пожалел жену, согласился...

* * *

К утру дивизион выполнил задание. Несколько суток, перебираясь с места на место, гаубицы глухо ухали и посыпали снаряд за снарядом в сторону гор. Где рвались снаряды — артиллеристы не видели: они били по целям, координаты которых сообщали корректировщики.

Наступившая тишина давила на уши, ощущалась физически.

— Коробов! Коробов! — комбат наклонился над люком бронетранспортера.

Радиотелеграфист поднял глаза, увидев командира, сдвинул наушники.

— Передай, что начинаем движение к дому, — прокричал комбат и широко улыбнулся.

Коробов подстроил волну, передал сообщение. “К дому, — усмехнулся про себя. — Дома сейчас самое хорошее время — начало мая, завтра День Победы будут отмечать. На реке благодать...” У берез первый листок проклевывается. А здесь домом называют военный городок южнее Герата, в котором стоит их полк.

— Димка, вода осталась? Давай сюда, нечего экономить, скоро дома будем, — несколько рук протянулись в люк.

Коробов взял канистру, встряхнул ее, воды оставалось самая малость.

— Дотерпите, вдруг задержаться где придется.

Вверху раздавались недовольные голоса, но никто не настаивал. Ругались по привычке, хорошо сознавая, что Коробов прав: свят закон — последний глоток воды должен оставаться во фляжке, он может еще как пригодиться.

Солдаты устраивались на броне. Потянуло дымком от сигарет — верный признак, что дело сделано, теперь и расслабиться можно. Двигатель БТРа работал на полуоборотах, казалось, нетерпеливая дрожь пробегает по броне... Через минуту колонна двинулась к Герату, спускаясь на зеленеющее вдали плоскогорье.

* * *

Холодный порыв ветра принес снежный заряд. Вода потемнела. Виталий Павлович держал лодку носом к волне, и ее медленно тащило к берегу. Руки замерзли, но он боялся хоть на миг оторваться от весел, знал, что лодку сразу же поставит бортом к водяным валам. Алевтина Яковлевна вцепилась в банку, которую по-сухопутному называла доской: она, как загипнотизированная, смотрела на свинцовые волны, боясь повернуться назад и не увидеть спасительного берега. Не видел его и Виталий Павлович: густая пелена снега, словно огромный занавес, ограничила видимость двумя-тремя десятками метров.

Алевтина Яковлевна почувствовала, как сердце вдруг замерло: позади мужа, который сидел спиной к волне, возник крутолобый водяной вал и стал быстро расти. Он

стеной надвигался на лодку. Хотела крикнуть, но не успела. Лодку резко приподняло и поставило почти вертикально...

* * *

Впереди колонны шли танки с катками. Если дорога заминирована, удар приходился по этим машинам. Когда каток наезжал на мину, взрыв был не очень заметен, просто каток подбрасывало вверх, словно и не было в нем огромного веса.

Но в последнее время душманы стали получать и мины-ловушки, которые не реагировали на разовое давление. Пройдет, например, танк, мина не сработает, просто взрыватель чуть-чуть опустится, пройдет БТР – взрыватель опустится еще на несколько миллиметров, и так до критической точки, когда достаточно давления человеческой ноги, чтобы произошел взрыв. Вначале, пока не разобрались, считали, что душманы ставят радиоуправляемые мины, но потом поняли что к чему.

Через час с небольшим, когда уже выходили на плоскогорье, колонна остановилась, пропуская несколько грузовиков. Кузова на КАМАЗах были зачехлены, впереди и сзади грузовиков пылили БТРы с солдатами на броне. До расположения полка оставалось рукой подать, и напряжение помаленьку спадало.

– Димка, дай канистру, – кто-то нетерпеливо протягивал в люк бронетранспортера загорелую руку. Коробов взял канистру и вылез на броню. Появился пластмассовый стаканчик. Пили воду, теплую, горьковатую, припахивающую лекарствами и металлом, по-разному. Одни разом выплескивали ее в рот и делали два крупных глотка, другие цедили по капле, создавая иллюзию, что в стаканчике много, по крайней мере, не меньше литра живительной влаги.

Дима придерживал канистру. Сам так пока и не попил. Но ни у кого из солдат не возникло подозрения, что он там, внутри БТРа, напился вволю. Слишком хорошо они знали друг друга, чтобы подозревать в подлости.

А Коробову стали воду доверять после одного случая. В тот день дивизион подняли по тревоге сразу после обеда. Только успели канистру под завязку водой залить, как прозвучала команда: «На выезд!».

Так случилось, что с мятежниками пришлось провозиться больше суток, и около своего БТРа солдаты ока-

зались лишь под вечер следующего дня. Губы от жары потрескались, слова едва проталкивались сквозь зубы, от жажды лица заострились. Когда Коробов — а ему все это время пришлось поддерживать связь, не отойдешь от радиостанции, что установлена в комбатовском БТРе, — открыл канистру, то солдаты увидели, что ни грамма ее не выпито. Сидел рядом с водой и не дотронулся. И как ни хотелось тогда пить, первую порцию сержант налил Коробову.

* * *

Почему лодка не перевернулась, они так и не поняли. Минут через пятнадцать очередная волна вынесла ее на островок. Какая ни есть, но все суша. Виталий Павлович колдовал над движком, а Алевтина Яковлевна мелкими глотками пила горячий чай, который залила в термос перед самым отплытием. Ее била мелкая дрожь, не столько от холода, сколько от только что пережитого страха.

— Виталий, попей чаю, согреешься, — Алевтина Яковлевна протянула мужу пластмассовый стакан, над которым вился парок.

Обжигаясь, Виталий Павлович мелкими глотками пил крепко заваренный чай. Алевтина Яковлевна молча поглядывала на него, но было заметно, что о чем-то хочет спросить. Виталий Павлович знал о чем: с того дня, как поняла, что сын воюет в Афганистане, каждую минутку думала о Димке, искала успокоения в разговорах о нем, в воспоминаниях. А тут еще сон. Приснилось, что пришел Димка домой, а есть отказывается, идти, говорит, надо. Посидел в комнате да и ушел. Что там об этом сне товарки Алевтине наговорили, но стал замечать, что чаще заглядывает жена в альбом, разглядывает сына на фотокарточках.

Допил чай, протянул стаканчик жене:

— Еще полчасика, и поплывем. Наверное, письмо пришло. У них там теплынь, не то что у нас. Зелень кругом, — говорил, искоса поглядывая на жену и замечая, как разглаживаются морщинки на ее лице.

* * *

— Димка, а ты что, пить не будешь? — сержант подставил стаканчик и, когда тот наполнился водой, протянул его Коробову. Дима молча взял, выпил. Закрыл канистру

и спустился в люк. Там снова ее открыл, плеснул в кружку, меньше половины, и протянул ее водителю.

Надел наушники, в которых слышалось лишь тихое потрескивание. Если закрыть глаза и забыться, то можно подумать, что трещат сухие ветки в костре, который разложили они с отцом на берегу реки.

БТР вздрогнул и, рыкнув мотором, резко взял с места. Снова заклубилась бронзовая пыль, оседая на броне и на лицах солдат. Разве передаст этот цвет фотография? Помнится, вначале, когда только прибыли в полк, с удивлением смотрели на тех, кто возвращался из рейдов. Загоревшие до черноты лица с бронзовым отливом. Только через несколько дней поняли, с каким трудом смыается с пропотевшего тела афганская пыль.

Поселили их тогда отдельно от старослужащих. В палатках – человек сорок. Кровати – в два яруса. И с первого дня – занятия на полигоне. Воевать учились все: от санинструктора и повара до командиров с большими звездами на погонах. Никто не знал, в какую переделку может попасть каждый, когда начнут ходить в рейды.

Не только свое оружие изучали, знакомились и с тем, что на вооружении у душманов. С интересом разглядывали буры – английские винтовки старого образца, египетские, западногерманские автоматы, английские минометы, американские автоматические винтовки с пластиковыми прикладами, мины – итальянские в пластмассовом ребристом корпусе и английские – в металлическом, гранаты с меткой “Сделано в США”.

Тем, кто до армии кроме ложки никакого инструмента в руках не держал, было трудновато. Дима же с детства с железом возился: велосипед из выброшенного хламья мог собрать; потом радиоделом увлекся; в лесомеханическом техникуме специальность электрика получил.

Армейским порядком тоже не тяготился, дома многое сам делал, даже брюки перешивать научился...

В наушниках послышался хриплый голос старшего лейтенанта с головного бронетранспортера: – Внимание, входим в “зеленку”. Всем внимание, входим в “зеленку”.

Слышно, как удобнее устраиваются солдаты на броне – от “зеленки” любого сюрприза ждать можно. Нередко в густых зарослях поджидают в засаде не только одиночки, но и целые банды. Не успеешь вовремя заметить опасность, промедлишь с ответным огнем, проглядишь, откуда стреляют, – быть беде.

БТР прибавил ходу. Проскачивая рыхвины, образовавшиеся от разрывов гранат, подскакивая на камнях, грозная машина мчалась вперед. Зеленая лента зарослей то убегала в сторону, то почти вплотную приближалась к дороге.

* * *

Обещал, что через полчаса будет все готово, а пришлось провозиться с движком без малого два часа. Уже стемнело, когда отплыли от острова. Ветер стих, небо очистилось от туч, вдали тысячами огней переливался Череповец.

Пока ставили на место лодку да добирались до квартиры, наступил поздний вечер. Дочки дома не было, опять у подруг пропадает. Сбросив сапоги, Алевтина Яковлевна прошла в комнату. Включила свет и замерла. В центре стола лежала телеграмма.

* * *

“Зеленка” кончилась неожиданно: только что по сторонам дороги были заросли, и вдруг опять пустыня.

В наушниках снова послышался голос. На этот раз сообщали с замыкающего бронетранспортера, что колонна прошла “зеленку”.

Солдаты расслабились. Еще полчаса, и видны будут их палатки. А там обед, душ, там вдосталь воды. И наверняка там ждут письма.

Подумав о письмах, Димка улыбнулся. От мамы точно есть, может, и от *нее* пришло. Так мама и не узнала, что познакомился он незадолго до призыва с хорошей девушкой. Правда, наверное, догадывалась, раз всегда с улыбкой спрашивала, когда он собирался в кино:

— Дима, тебе денег на одну серию или на две?

Какие две, если она сама это кино смотрела. Конечно, догадывалась. Но так и не рассказал матери ничего; даже когда в армию провожали и собирались друзья, специально ни одной девчонки не пригласил; а с ней накануне простился. Ничего друг другу не обещали, но по письмам видно, что скучает девчонка, переживает за него и ждет.

И сейчас, когда за плечами почти год войны, не может понять Дима, как у него духу хватило познакомиться. Друзья и те порой подзуживали, что к девчонкам подойти боится. А он лишь отмалчивался. Не в страхе дело. Сам порой не мог понять, почему так стесняется незнакомых

людей. Иной раз на автобусе лишнюю остановку проедет, лишь бы не протискиваться к выходу. Да и не говорун. Поглядишь на других – первое дело для них – с девчонками потрепаться. А он так не мог. Не мог-то не мог, а вот ее встретил и разговорился. Если бы только разговорился. Песни запел. На гитаре играть научился. Запрется в комнате и напевает тихо-тихо, чтобы мама или сестра не услышали...

Дима снял наушники, прикрыл глаза. Мотив легко всплыл в памяти. Вначале шепотом, а потом громче – кто услышит, когда ревет двигатель, – солдат пел:

...Плачет где-то иволга,
Схоронясь в дупло,
Только мне не плачется,
На душе...

Взрыв ударили снизу. Бронетранспортер подбросило вверх и развернуло поперек дороги. Солдаты, что сидели на броне, отделались легкими ушибами. Дмитрий Коробов скончался на пути в госпиталь. Случилось это 8 мая 1984 года.

* * *

Телеграмму прочитал Виталий Павлович. Родные сообщали, что умерла его мать. Горе открыло дверь в квартиру Коробовых. Не знали они, что через неделю найдет их на пристани, когда уже собирались садиться на "Метеор", чтобы ехать в Вытегру, начальник мужа В. А. Ильин, проведет в зал ожидания, где представитель горвоенкомата сообщит страшную весть.

21 мая придут на похороны друзья Димы, рабочие из цехов аммиака и разделения газа азотнотукового завода, где работали родители погибшего воина. Будет плакать военный оркестр, разорвут тишину кладбища выстрелы автоматов, замрут в почетном карауле военные курсанты.

* * *

Сейчас Виталий Павлович и Алевтина Яковлевна на пенсии. Дочь Лена закончила лесотехнический техникум и работает в Шексне.

Горе меняет людей. Изменило оно и Коробовых. Алевтина Яковлевна частенько прихварывает, Дмитрий

Павлович хоть и держится бодро, но затаилась в его глазах тоска, которую не вытравит и время. Если раньше он не отказывался от застольй, то теперь не берет и капли спиртного, бросил курить.

Когда Коробовы приходят к сыну, то всегда на мраморной плите видят гвоздики. Кто их приносит, они не знают.

Вик. Смирнов